

№ 5-6 (29-30)

Май — Июнь 1961 г.
Год издания III-ий.

Цена \$ 0.50

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	стр.
Д-р А. ГЕРОВСКИЙ: РИМ — НАШ ВРАГ	1
ЮРИИ ПСКОВИТЯНИН: РОССИЯ (стихотворение)	7
М. КАРАТЕЕВ: В ПОГОНЕ ЗА ВЛАСТЬЮ	8
— ПАТРИАРШЕЕ ПОСЛАНИЕ (продолжение)	16

СВОБОДНОЕ СЛОВО КАРПАТСКОЙ РУСИ

FREE WORD CARPATHO-RUSSIAN MONTHLY

P. O. Box 992, Newark 1, N. J. — U. S. A.

№ 5-6 (29-30)

Май — Июнь 1961 г.

Цена \$ 0.50

Год издания III-ий.

РУССКИЕ ЛЮДИ!

„Свободное Слово” существует исключительно на средства, получаемые в виде подписной платы и пожертвований. От каких бы то ни было фондов мы не получаем средств и **никогда** не будем получать (и не желаем этого), так как „фонды” созданы не для поддержки и распространения истинно-русского миропонимания.

Русские люди, от вашей жертвенности, помощи в распространении журнала и приобретении новых подписчиков зависит судьба „Свободного Слова”!

Редакция

Производится ПОДПИСКА и РОЗНИЧНАЯ
ПРОДАЖА журнала
„СВОБОДНОЕ СЛОВО”
Карпатской Руси”

в русском магазине:

THE BOOK HOUSE

304 State Street, Bridgeport 3, Conn.
в котором всегда можно получить новинки русских книг и книги-уникум по разным отраслям знания.

Издатель:

Инициативная группа для организации карпато-русского общества.

Редактор: М. ТУРЯНИЦА

Form 3547 — Return Postage Guaranteed

Printed in USA.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА „СВОБОДНОЕ СЛОВО”

Примечание: Тем из читателей, кто не указал подробно, для какой цели посылает деньги, мы засчитали 3 доллара, как подписную плату, а остальную сумму — как пожертвование. Подписная плата, само собою понятно, в списке пожертвований не отмечается.

Г. Л. Д.	5.00 дол.
Г. М.	100.00 дол.
Д. В. Анищенко	1.00 дол.
Иван Миrows	10.00 дол.
А. Силян	8.00 дол.
Д. Е. О.	18.83 дол.
П. С. Г.	20.00 дол.
Фомин	6.00 дол.
Н. Г. (Сеатл)	2.00 дол.
Митрополит Леонтий	5.00 дол.
Архиепископ И.	5.00 дол.
А. Шкил	0.60 дол.
А. Боган	2.00 дол.
Н. Н. (Симур)	5.00 дол.
А. Лезинский	1.00 дол.
Иван Смушко	2.20 дол.
П. Россинский	2.00 дол.
Н. Виттусовский	2.00 дол.
Ю. П. Миролубов	1.00 дол.
Саша Сандро	2.00 дол.
Г. Франциско	3.00 дол.
о. Иосиф Федоронко	5.00 дол.
М. И. Магонец	6.50 дол.
А. Т.	20.00 дол.
М. Т.	20.00 дол.

Итого: 253.13 дол.

Редакция и Инициативная группа для организации общества приносят сердечную благодарность всем добрым русским людям за своевременную помощь.

На издание юбилейного сборника песен А. Е. Котомкина пожертвовал С. Сиско — 7.00 дол.

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В РОССИЮ

Американские иезуиты посылают в Советский Союз „миссионеров” для подпольной работы с целью распространения единственной истинной и единственной веры.

Согласно „Католик Ньюс” (орган нью-йоркского кардинала Спеллмана) в Лондон уехал иезуит Джон Райдер, чтобы оттуда руководить подпольной работой иезуитов, которых он собирается послать в Советский Союз.

Джон Райдер — один из главарей „Русского Центра” в иезуитском Фордгамском университете в Нью Йорке. Ему, как сообщает „Католик Ньюс”, 61 год, у него борода, и он сам готов „поехать в Россию”, хотя он „не желает поехать в Россию для того, чтобы там найти славную смерть”. Он убежден в том, что на его призыв откликнутся сотни молодых людей, чтобы „утолить духовную жажду русского народа” и т. д.

По словам Райдера он „посвятил свою жизнь русской миссии, когда папа Пий XI придумал план” совращения православного русского народа „лет 30 тому назад”. Тогда предполагали, что „обстоятельства для этого будут благоприятны через год или два”, прибавил он.

С нашей стороны мы прибавим то, о чем умалчивает орган кардинала Спеллмана. Тридцать лет тому назад обстановка не была благоприятной для работы иезуитов в Советской России, но иезуиты нашли себе работу в Польше, в которой папа Пий XI начал свою политическую карьеру в качестве первого папского нунция в новой Польше после первой мировой войны. Сразу же при нем и под его руководством началось неслыханно жестокое преследование 4-х миллионного православного русского населения в Польше.

В первом же году существования новой Польши в одной лишь Холмщине было отобрано у православных свыше 300 церквей; в г. Вильно было отобрано архиерейское подворье, при чем „отцы” иезуиты устроили в самом храме кино-театр, в Варшаве был взорван динамитом и сравнен с землей величественный собор по постановлению польского сейма, который ассигновал для этой цели крупную сумму денег.

Невероятные преследования православной Церкви и всего православного населения в Польше продолжались в течение всех двадцати лет ее существования. В 1938-м году, то есть, всего за год до вторжения в Польшу Гитлера, гонения достигли своего высшего предела, ког-

да в течение трех недель польскими властями было разрушено более ста храмов в одном лишь Люблинском воеводстве.

Ниже мы сообщаем некоторые подробности событий, имевших место в Польше в 1938-м году, реакцию на них Северо-Американской Русской Православной Митрополии, а также католической американской печати. А пока мы сообщим еще одну новость, свидетельствующую о том, что Рим не унывает в своем стремлении создать враждебную православному русскому народу „независимую Украину”, зависимую от Рима.

НОВАЯ УНИАТСКАЯ УКРАИНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Американские римокатолические газеты и журналы сообщают, что в Чикаго учреждена новая епархия для „украинских” католиков византийского обряда. По словам „Католик Ньюс” официальное название епархии — „Свято-Николаевская Украинская Епархия”.

В новую епархию входят все штаты на запад от штатов Огайо, Кентуки, Теннесси и Миссисипи. В епархии 45.000 украинских католиков, 28 приходов, 41 священник, 4 монастыря Василиян, 7 миссий, четыре народных школы и одна средняя.

Епископом новой украинской епархии папа назначил монсиньора Габро, приходского священника из Перт-Амбой.

Итак, „украинские” епархии размножаются. А карпаторусской униатской епархии и ее организациям и газетам, которые в продолжении 50 лет назывались русскими, Рим запретил называться русскими и хотел принудить их принять название „украинский”, а теперь они именуются просто „византийскими”.*)

*) Униаты-карпаторуссы не дали украинизировать себя. После их упорного и многолетнего сопротивления, в котором принимали участие даже и епископы — Такач и Иванчо, Рим решил их просто денационализировать и дал им название „византийцев”.

Выше мы сообщили два факта, свидетельствующие о том, что Рим продолжает свою противоправославную и противорусскую политику в Соединенных Штатах. Здесь Рим делает то, что при данных обстоятельствах возможно делать. Разрушать православные храмы, как это римские слуги делали в Польше даже в 1938-м году, накануне гитлеровского нашествия, или вырезывать православное население, включая женщин и детей, священников и епископов, как это делали римские клеветы в Югославии во время последней войны, — в Америке нельзя. **Но право преследовать схизматиков всеми средствами Рим оставляет за собой и в будущем.** Об этом совершенно открыто пишет „Чивилта Католика“, орган Папы Римского.

Мы этого не должны забывать! Поэтому мы считаем полезным напомнить нашим читателям то, что происходило по благословению Ватикана и под непосредственным руководством папского нунция в Польше. Мы все, православные, русские, должны помнить, что то, что происходило в Польше и в Югославии повторится еще в большей мере, если Ватикан сочтет, что для этого настал удобный момент.

Вот почему в этом номере мы печатаем документы, которые ярко освещают ужасающие зверства, творившиеся в Польше над православным русским народом ради расширения папской власти на востоке.

ПАПСКИЕ ЗВЕРСТВА В ПОЛЬШЕ

После того, как в Холмской Руси в течение трех недель было разрушено 114 церквей, собрался в Варшаве 16 июля 1938 года архиерейский собор, который обратился к своим чадам с посланием, в котором говорится:

„Всемирно известно, что случилось в последние дни на Холмщине и Подляшьях, в Люблинском воеводстве, где искони процветала святая православная вера и где наши предки издавна славилась твердостью веры православной.

И ныне, на этих многострадальных землях пребывает около 250 тысяч православных людей, которые удивляют мир своею верою и преданностью родной Православной Церкви.

Свыше 100 храмов разрушено у них, но не слышно, чтобы кто-либо поколебался из них и отошел на „страну далече“. Уже то одно, что понадобилась такая мера к достижению известных целей, как жесто-

кое разрушение храмов Божиих и поругание православных святынь, ясно свидетельствует о твердости и непоколебимости православного духа холмщан и подляшанков.

Воздаем вам похвалу и удивление от всей Святой Православной Церкви в Польше и свидетельствуем пред вами нашу общую скорбь по поводу ваших утрат. Верим, что с нами разделяют скорбь вашу и благочестивые предки ваши, которые находили, что единственное утешение среди жизненных тягот — это церковки, которые ныне так жестоко и бессердечно разрушены.

Понимаем, как тяжело вам ныне, ибо ничего на земле нет такого тяжелого, как собственными очами видеть разрушение и поругание не только своей, но и прадедовской святыни.

Но зато, как чисто и спокойно сознание ваше христианское, что пострадали вы, не как убийцы, воры, злодеи и посягающие на чужое, а как верные своему исповеданию христиане”.

В заключительной части послания сказано:

„Не верьте тем слухам, какие распускают среди вас злонамеренные люди. Они готовы клеветать и на нас, архипастырей ваших, будто мы изменили истине и уклонились в иное исповедание... Мы не только непреклонны в исповедании Святого Православия, но и все готовы перенести за благо Церкви Православной и за ваше спасение.

В знак единения с вами в великом горе, постигшем всех нас, устанавливаем по поводу недавно случившегося трехдневный пост с молитвою — 19, 20 и 21 июля (1, 2 и 3 августа нового стиля) сего года, как это научили нас делать благочестивые иудеи ветхого завета и первые христиане”.

Польское правительство конфисковало архипастырское послание и запретило его чтение в храмах.

МЕМОРАНДУМ СОБОРА ЕПИСКОПОВ К ПОЛЬСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Кроме Архипастырского Послания к Верующим Собор Епископов составил меморандум в трех копиях, которые были вручены президенту республики, маршалу Польши Рыдз-Смиглому и премьер-министру генералу Славой-Складковскому. Вот что в нем сказано:

„Страшные события, которые произошли на этих днях в Люблинском воеводстве, вызвали ужас у православных христиан в Польше. За короткое время уничтожено свыше ста православных храмов, из коих некоторые существовали еще во времена Речи Посполитой.

В течение многих веков трудолюбивое и всегда исключительно лояльное население находило в этих храмах единственное утешение в своей тяжелой жизни, полной бедствий и нужды. И эти храмы, дававшие поддержку и утешение людям, во все времена пользовались неприкосновенностью и уважением со стороны всех без исключения вероисповеданий.

...До сих пор никому и в голову не могло прийти, что приближается такое жестокое, несправедливое отношение к христианским храмам в христианском государстве, какое свойственно лишь тем государствам, где религия не признается положительным фактором народной жизни...

История всех народов, а особенно польского, убедительно свидетельствует, что насилием и жестокостью не достигаются цели, которые поставили себе люди, не обладающие чувством правды.

...Мы видим силу духа православных христиан Люблинщины, которые, лишившись храма Бога Живого, сами не перестали быть храмами Духа Живого. Однако мы боимся духа нашего времени, заставляющего людей служить не Богу, а князю мира сего (Иоанна 12, 31; 14, 30), который царит в нем и наполняет его сатанинской ненавистью.

Учинена великая несправедливость. Никакие просьбы не могли изменить этих жестоких приказов и действий властей.

Стоны и горькие слезы несчастного народа, который своими глазами видел разрушение и осквернение своих святынь — как несущиеся волны, готовые нас потопить.

Разделяя великие страдания наших верных, мы, архипастыри православной Церкви в Польше, соединяем сегодня и наши стоны, нашу боль с болью нашего народа, которые войдут в историю несчастного 1938-го года, юбилейного года нашего крещения, каковой должен бы быть счастливым и радостным.

Господь ниспослал нам именно в этом году огненное искушение для нашего совершенствования, ибо мы страдаем не как

убийцы, грабители или преступники, но как христиане, и прославляем Бога за ниспосланное испытание (1 Петр. 4, 15-6).

И ныне мы высказываем перед лицом представителей высшей власти христианской Польши наше горе, что такая несправедливость, соединенная с попранием Христовой Правды и Любви, могла быть допущена над христианами в христианском государстве”.

Меморандум православных епископов остался без последствий; он даже не был удостоен ответом со стороны „представителей высшей власти христианской Польши”.

ОБРАЩЕНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО ЗАГРАНИЧНОГО СИНОДА

Получив пастырское послание православных епископов в Польше, Архиерейский Заграничный Синод, в который в то время входила и Северо-Американская Митрополия, обратился к главам православных автокефальных церквей с нижеследующим письмом. Приводим его текст из „Русско-Американского Православного Вестника” (Октябрь 1938 г., № 10).

По неисповедимым путям Божественного промысла русскому народу ниспосланы тяжкие испытания, о которых неоднократно сообщали мы, находящиеся за рубежом родины иерархи русской Церкви, другим сестрам-Церквам, прося их молитв о наших страждущих братьях. Испытывая великую скорбь за них, мы получали некоторое утешение в теплом сочувствии всего православного мира и в том, что та часть русского народа, которая осталась вне нынешних границ России, пользовалась относительным благополучием и безопасностью. В самом большом из этих государств — Польше, насчитывающей более 4.000.000 православных граждан... церковная власть испытывала во многих случаях весьма сильное и для православия вредное давление государственной власти, направленное главным образом к тому, чтобы денационализировать русскую паству...

Но вот с конца 1937-го года и особенно с весны 1938-го года в пограничных областях Вольнского воеводства, где действуют специальные полномочия администрации, власти начали принуждать православное население к принятию католичества, хотя формально в Польше предоставлена свобода православному населению. Несмотря на насилие, совершаемые властями, несмотря на то, что некоторые коренные жители пограничных сел за нежелание

принимать католичество, равно как и священники, выселялись из пограничной полосы, насилие эти не дали больших результатов. Лишь немногие крестьяне, всего 1500 человек, согласились перейти в католичество, но и они, будучи записаны, как католики, продолжали ходить в православную церковь и калялись перед своими священниками. Значит, часть их вернулась в лоно Православной Церкви.

Вслед за этими попытками обратить православное население в католичество, мы узнали о еще более вопиющих действиях польских властей на Холмщине и Подляшьях (Люблинское воеводство). Там польские власти давно уже постарались уменьшить число православных церквей путем сокращения числа штатных приходов. Из имевшихся до войны 383 православных храмов в Холмщине, 59 разрушены, 111 закрыты, и 150 обращены в католические костелы. К началу 1938 года в распоряжении православного населения остались 63 довоенных храмов и некоторое количество построенных за последнее время молитвенных домов. С весны этого года польские власти неожиданно приступили к разрушению православных храмов и молитвенных домов в Люблинском воеводстве. В течение только 3-х недель в восточных уездах Люблинского воеводства по распоряжению властей было разрушено 114 православных святынь, в том числе 58 закрытых и 56 действующих...

Разрушение храмов производится самым варварским способом, причем иногда не останавливаются перед кощунством даже над святыми дарами, не говоря о св. престолах, иконах и других священных предметах. Прихожане пытающиеся защитить святыни подвергаются избиениям, арестам и судебному преследованию. Такому же преследованию подвергаются священники за совершение богослужений и удовлетворение религиозных нужд населения в нештатных приходах. Их карают штрафами от 200 до 1200 злотых.

Все попытки православных иерархов в Польше защитить свою паству от таких преследований не приводят ни к каким результатам. Протесты их остаются без внимания, а послание к пастве с призывом переносить ниспосланные ей испытания с христианским терпением, твердостью, молитвою и постом, по распоряжению властей конфисковано.

Перед гонением на Православие в Польше с недоумением, ужасом и страхом за последствия его для польского государства останавливаются и многие благоразумные католики, понимающие как опасно в наше время воздвигать от-

крытое гонение на религию, исповедуемую несколькими миллионами граждан польского государства. С особым возмущением выступил против этих мероприятий правительства даже униатский галицкий митрополит Андрей Шептыцкий. В этом воззвании, конфискованном властями, он порицает действия правительства и отмежевывается от римо-католического духовенства, как вдохновителя их.*)

Православная Церковь в Польше отделилась от Русской Церкви-Матери, объявив себя автокефальной по благословению константинопольской патриархии, каковой акт мы не могли признать законным, пока он не получил утверждения со стороны всероссийской церковной власти. Однако мы сохраняем братское общение с иерархией православной Церкви в Польше и всем единоплеменным нам верующим народом. Ниспосланные им испытания наполняют наше сердце глубочайшей скорбью и причинили такое же глубокое огорчение только что закончившемуся собору нашей Русской Зарубежной Церкви с участием клира и мирян, которые признали, что нашим священным долгом является выступить в защиту наших страждущих в Польше братьев и просить все другие Православные Церкви со своей стороны оказать им свою нравственную поддержку в дни постигшего их испытания. Вместе с тем наш собор назначил на 3/16 октября во всех храмах совершение особого моления о Православной Церкви в Польше, да укрепит Господь в борьбе за Святое Православие православную иерархию, клир и мирян, да сократит дни ее страданий и да ниспошлет ей вождеденный мир и благоуспевание.

От лица собора мы просим Ваше Блаженство и святую Антиохийскую Церковь вознести о том же святыне молитвы ко Всевышнему. Мы не сомневаемся, что любвеобильное сердце Вашего Блаженства не может остаться равнодушным при виде всех сих насилий над совестью

*) Авторам письма очевидно не был известен текст протеста польского графа и униатского митрополита Шептыцкого, который в этом протесте свалил всю вину за погром Православной Церкви на „масонов“, которые де инспирированными ими зверствами хотели подорвать авторитет „Апостольского Престола“ и вырыть пропасть между „Вселенской (т. е. римо-католической) Церковью“ и „Восточной Церковью“. Шептыцкий ничуть не „отмежевывается от римо-католического духовенства“ и не объявил его „вдохновителем“ гонений, но напротив, старался выгородить его, объявив вдохновителем „масонов“.

православных русских людей, часто поистине напоминающих действо христоненавистников-большевиков, хотя на этот раз разрушение святынь совершается людьми, именующими себя христианами и претендующими на высокий уровень европейской культуры.

Верно: Митрополит Феофил

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА ФЕОФИЛА

Перед Рождеством Христовым, в декабре 1938-го года, митрополит Феофил в своем Рождественском Послании упомянул о погроме православной Церкви в Польше в следующих словах:

„Забывающие Бога и Его пришествие на землю, теряют образ Божий и подобны диким зверям, яростно терзающим людей.

Таковыми явились, к прискорбию, преследователи нашей Церкви в Польше, разрушители православных храмов, угнетатели русских пастырей и пасомых. Они отвергли дар Христа о благоволении к людям, они недостойны праздновать Рождество Христово. Да постигнет их пред лицом Его срам и скорбь, каковую переносят от них русские люди”.

Это Рождественское послание было напечатано в Русско-Американском Православном Вестнике, официальном органе митрополии (в номере за январь 1939 г.).

АРХИПАСТЫРСКОЕ ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА ФЕОФИЛА

26. сентября 1938 года митрополит Феофил обратился к своей северо-американской пастве с архипастырским посланием, в котором он между прочим сказал:

„Истину Православия, правду Вселенской Церкви, думают заглушить тюрьмами и ножами. Поистине в Польше „плач и рыдание и вопль мног”. Плачут и зывают о помощи православные архиереи, плачут и вопиют об избавлении пастыри со своими верными чадами, но в Польше нет ни страха Божия, ни чести, ни суда над душегубами православных людей. Истина Православия смущает и тревожит слуг Ватиканского Короля, ему приносят в жертву русские души...”

ТЕЛЕГРАММА СЕВЕРО - АМЕРИКАНСКОЙ РУССКОЙ МИТРОПОЛИИ ПАПЕ

В городе Питсбурге 29-30 ноября 1938 года заседал Архиерейский Собор Православной Русской Митрополии Сев. Америки и Канады, который, как сказано в протоколе, постановил обратиться к папе римскому, через его легата в Вашингтоне, с просьбой оказать влияние на польское правительство в деле прекращения преследования и гонений на Русскую Православную Церковь.

Протокол подписали:

Митрополит Феофил	Епископ Леонтий
Архиепископ Тихон	Епископ Вениамин
Архиепископ Виталий	Епископ Иероним
Архиепископ Арсений	Епископ Макарий

13 января 1939 года епископ Макарий, секретарь собора епископов, послал папскому апостольскому делегату А. Г. Чиконьяни телеграмму от имени совета согласно постановления собора епископов, заседавшего в городе Питсбурге 29-30 ноября 1938 года, постановившего обратиться с представлением к папе римскому о проявлении им своего влияния на польское правительство в смысле прекращения преследований Православной Церкви в Польше.

На эту телеграмму последовал 16 мая 1939 г. следующий ответ:

Ответ на телеграмму

Досточтимый и дорогой Сэр,

Ссылаясь на Вашу телеграмму от 13 января, честь имею известить Вас, что я получил по этому вопросу сообщение от Святого Престола, которым мне поручили дать Вам знать, что как только в Польше произошло разрушение православных храмов, Св. Престол предпринял шаги чтобы выразить свое глубокое сожаление о таких происшествиях. Кроме того мне поручили подчеркнуть, что эти сожаления достойные события ни в коем случае не являются последствием соглашения, заключенного между Св. Престолом и Польшей 20. июня, 1938 года, касающегося „земель, храмов и часовен, когда-то униатских, которых католическая церковь была лишена Россией”.*) Для выяснения

*) У нас, к сожалению, нет текста этого соглашения, но из слов папского легата видно, что Ватикан был причастен к погрому Православной Церкви в Польше. „Земли, храмы и часовни”, о которых говорит папский легат, никогда не принадле-

этого последнего обстоятельства было бы полезным ознакомиться с „Нотой”, объявленной в „Оссерваторе Романо”, № 64, от пятницы, 17 марта, стр. 2.

Выражая свои чувства уважения, честь имею оставаться

Уважающий Вас

А. Г. Чиконьяни
Архиепископ Лаодикийский
Апостольский делегат

РИМО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О ПРЕСЛЕДОВАНИЯХ

Чрезвычайно интересно, как отнеслась американская римо-католическая печать к погрому Русской Православной Церкви в Польше. В Соединенных Штатах в настоящее время больше 500 римо-католических газет и журналов, еженедельных и ежемесячных. В 1938 году их было меньше, но во всяком случае несколько сот. Почти все они молчали об ужасах, творимых слугами Рима над православными в Польше. В частности, упорно молчал иезуитский еженедельник „Америка”, самый влиятельный и самый распространенный римо-ка-

жали римо-католической церкви. Они принадлежали сперва Православной Церкви, а после насильственного введения унии в самом конце 16 столетия, эти „земли, храмы и часовни” считались собственностью униатской церкви, которая имела свою, отдельную от римо-католической церкви, организацию и своих епископов. С возвращением русского населения в прадедную Веру Православную, все церковное имущество перешло вместе с народом к Православной Церкви.

В 1938-м году, после 20-летнего польского владычества, не взирая на ужасающие насилия, народ, который согласно римской пропаганде был во время царской России насильственно возвращен в Православие, упорно и единодушно отказывался перейти в лоно „единоспасительного Рима”. Поэтому „возвращать” Риму церкви этого народа, который до насильственного введения унии польским правительством был православным и оставался таковым в новой Польше, — требование явно несправедливое, жестокое и не христианское.

Так как отнимать церкви в то время, как народ оставался православным, было бы явно несправедливым, то было решено просто разрушить все православные храмы.

толический журнал, не взирая на то, что некоторые ежедневные газеты, в том числе, в особенности, „Нью Йорк Таймс”, писали о происходивших тогда гонениях на православную Церковь и на русское меньшинство в Польше, и несмотря даже и на то, что в Нью Йорке устраивались шумные демонстрации перед польским консульством.

Но все-таки в Нью Йорке нашелся один римо-католический журнал, который поместил целый ряд статей по этому вопросу. Это был еженедельник „Коммонвил”, признающий папскую непогрешимость, но дерзающий иногда высказывать свое собственное мнение по некоторым вопросам.

Статьи появились в 1938-1940 годах. Приведем из них пока две выдержки, которые показывают, что и среди римо-католических американцев имеются миряне, которые не одобряют ватиканской политики по отношению к православному. Кроме того, эти выдержки показывают чрезвычайно красноречиво совершенно сумасбродный фанатизм некоторых выдающихся по занимаемому ими положению римо-католических вельмож.

В 1938 году, в выпуске от 3 июня, появилась в „Коммонвил” статья, описывающая довольно детально как в Польше стараются перевести насильственно всех, даже униатов, в римское католичество. Дабы охарактеризовать роль в этих насилиях римской иерархии, журнал приводит интервью с польским архиепископом Твардовским. Вот перевод этого отрывка:

„Отношение польского духовенства (к этим событиям), — говорит журнал „Коммонвил” — показывает интервью с монсеньором Твардовским, латинским архиепископом украинских территорий, опубликованное в газете „Народ Польский” в декабре месяца прошлого года. Архиепископ сказал:

Результаты стараний римокатолической церкви (в Малопольской или „Малой Польше”) настолько огромны, что я взираю на них с сердечной благодарностью к Всевышнему Отцу за те благодеяния, которые он ниспослал на нас, священников, и на польские общины.

Я слежу с величайшим восхищением за усилиями делаемыми нашими гражданами, старающимися собрать деньги на постройку католических крепостей веры и польской национальности. Число таких крепостей за последние пятнадцать лет превышает триста”.

В следующем году, то есть через год после того, как в Люблинском воеводстве, на Холм-

щине и Подляшши, в течении трех недель было разрушено 114 православных храмов, „Коммонвил” 25 августа 1938 г. напечатал статью за подписью монсиньора Александра Сыски, ректора семинарии в Орчард Лэйк, в штате Иллиной, в которой этот монсиньор оправдывает погром православной Церкви в Польше и, так между прочим, пишет:

„Случилось это прошлым летом. Тогда польский премьер-министр генерал Складковский, который по своей профессии врач, но который имеет склонность следить за чем-то другим, а именно, за тем, чтобы крестьянские дома, амбары, заборы и т. д. имели приличный вид, — издал приказ, чтобы все старые и опасно запущенные здания были отремонтированы и чтобы все заборы были выкрашены. Недвижимое имущество, не стоящее починки,

было приказано разрушить и убрать... Около 120 схизматических православных церквей и часовен, которые были построены православным епископом Евлогием лет 30 тому назад на фармах Холмского края с целью придать им схизматическую печать, были разобраны и исчезли...*)

*) Владыка Евлогий в бытность свою холмским епископом построил всего лишь несколько церквей. Причем храмы эти строились не на „фермах”, а в православных селениях. Среди церквей, разрушенных в 1938-м году, были и такие, которые существовали еще в старой Польше до ее раздела. Сам Холм является древнерусским княжеским городом, а вся Холмщина это — древнерусская земля, входящая в состав Галицко-Волынского княжества. Население Холмщины всегда было и оставалось русским.

Юрий Псковитянин

РОССИЯ

Россия, — часть шестая мира, —
велика гением Петра...
от Закавказья до Памира
и от Камчатки, до Днепра,
она — несокрушимый вал,
в своем величьи — непреклонный,
она — упор гранитных скал,
самой природою возвращенный...

она — негаснущее пламя,
она — бесценный звук былин,
в бою незыблемое знамя,
и радость вспаханных целин...
она — нетленный блеск вождей,
держанье мощного народа,
она — сияние царей,
она — славянская природа...

И если надо за Россию,
отдать по капле нашу кровь,
то мы поднимаемся стихией
и здесь, и там на этот зов,
не остановит нас, ни мор,
ни самый жуткий призрак смерти,
сильны мы духом до сих пор,
мы, — только русские, — поверьте!

Не надо нам ничьих признаний;
наш мир — то мир на всей земле
и нашим пламенем дерзаний
Мы утвердим его в Кремле;
с его вершин спадет звезда
и над Российской державой
опять, как раньше, как всегда
взлетит орел, орел двуглавый!

Буэнос Айрес, 1953 г.

АРХИПАСТЫРСКАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Долгом своим считаю выразить сердечную признательность всем лицам и обществам, почтившим меня во дни моего тезоименитства, в день мученика Леонтия, 1-го июля сего года.

Всемилолюбивый Господь да ущедрит Своими благами их, любящих память своих наставников в Церкви Божией на сей земле и да удостоит их соучастия в радости Святых Божиих в Царствии Небесном.

В отрочестве моем, Господь сподобил меня быть в святых храмах Божиих у Святителей Церкви Российской, и жезлодержателем и исполатчиком. Служение это запечатлелось в моей памяти. Ныне оно обновилось уже для меня в чине архиерейском, и это уже не на моей родине, а в далекой от нее Америке.

Пусть всемилолюбивый Вседержитель покрывает своею благодатью все наши житейские стези,

— стерет все недоразумения и недочеты в наших приходах и в наших семьях, и чрез Ангелов Своих святых управит нас на путь мира и согласия, — на путь взаимоуважения и сыновней преданности нашей общей матери — СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

С призыванием Божия благословения на верных чад Св. ЦЕРКВИ, остаюсь Ваш искренний благожелатель и молитвенник.

† Смиренный Митрополит Леонтий

Нью Йорк, С. Ш. А.

Св. Покровский Кафедральный
Собор.

Июля 10-го дня 1961 г.
№ 590.

М. Каратеев

В ПОГОНЕ ЗА ВЛАСТЬЮ

Отрывок из исторического романа „Карач-мурза”.

Дважды потерпев неудачу под Москвой и отчаявшись одолеть соперника с помощью Литвы, великий князь Михайла Александрович Тверской решил действовать через Орду и попытаться получить ярлык на великое княжение над Русью.

Дело это представлялось ему не очень трудным: в ту пору в Орде все решали деньги, к тому же в ней прочно установилось двоевластие, стало-быть, если не удастся поладить с одним ханом, — это только побудит второго быть сговорчивее. Оставалось решить, — с какого из них начинать? Михайла Александрович знал, что в Правобережном ханстве, на место недавно умершего Абдаллаха, Мамай возвел на престол столь же послушного ему Магомет-Султана, а в Сарая-Берке, — вовсе небывалое дело, — царствует женщина, Тулюбек-ханум.

Ярлык Мамай на Руси имел больше веса, ибо его орда была сильнее и находилась ближе, но князь Михайла хорошо понимал, что тут, если чего и можно добиться, то лишь с великим трудом и за огромные деньги, ибо московский князь Дмитрий Иванович исправно платил Мамаю дань, а при воцарении Магомет-Султана, послал ему богатые подарки и закрепил свое

право на великое княжение. Сарайской же ханше он, по слухам, ничего не давал, полагая что она слаба и на престоле долго не удержится, а потому Михайла Александрович и порешил отправиться на поклон именно к Тулюбек-ханум.

— „Гляди, оно еще и лучше получится, — размышлял он. — И очень может статься, что московские умники дали тут маху: за сарайский стол резалось, небось с полдюжины ханов и коли она всех их одолела, значит есть за нею немалая сила. Чего доброго, еще и Мамаю накладет! Беспременно надобно с нею поладит поколе не забежал наперед Дмитрей!”

Весною следующего года, едва реки вошли в берега и подсохли дороги, князь Михайла, в сопровождении своего старшего сына Ивана, тронулся в путь. Чтобы произвести в Орде должное впечатление, он взял с собою большую свиту и сотню отборных дружинников. Не были, разумеется, забыты и богатые подарки, — меха и золото, — едва уместившиеся на спинах шести вьючных лошадей.

Приехав в Сарай и остановившись в православном епископском подворьи, тверской князь, от русских купцов и духовенства, очень быстро

узнал все, что его интересовало. Сведения эти сводились к следующему: за год царствования Тулюбек-ханум, к ней не было от московского князя ни послов, ни дани; ханша на престоле крепка, правит она умно и твердо, но в том заслуга не столько ее, как первого при ней советника — царевича Карач-мурзы, по всему видать, — ее любовника, который добыл ей Сарай и ныне ворочает в Орде всеми делами, чему все рады, ибо человек он справедливый и напрасной обиды от него никто не видит.

Это известие весьма неприятно поразило князя Михайлу. Он хорошо помнил свою встречу с Карач-мурзой, когда тот приезжал в Москву ханским послом и заставил его поцеловать крест Дмитрию. Навряд ли он и теперь пойдет против московского князя, да и подарками его не возьмешь, — это Михайла Александрович тоже знал по опыту и оттого совсем-было приуныл. Но разом ободрился, когда ему сказали, что Карач-мурзы сейчас нет в Сарае: месяца с два назад, он уехал в Хорезм, где проживала его семья и до сей поры еще не вернулся, хотя и ждут его в обрат со дня на день.

„Коли так, надобно обладать дело не медля, пока не воротился царицын хахаль”, — решил князь Михайла и принялся действовать. Узнав, что большим влиянием при ханском дворе пользуется везир Улу-Керим, он на следующий же день отправился к нему, в сопровождении толмача и двух слуг, нагруженных подарками.

Улу-Керим благосклонно принял дары и внимательно выслушал тверского князя. Михайла Александрович, рассказав о том, что великое княжение над Русью истари принадлежало его роду и всякими неправдами было захвачено московскими князьями, — особо подчеркнул, что нынешний князь, Дмитрий Иванович, получил свой ярлык от Мамаю, которому за то и отсылает всю собранную на Руси дань.

— Вот ты и разумеи, почтенный эмир, — закончил он: — воровский хан укрепил на Руси воровского князя и теперь течет к нему в сундуки русская казна. Где же тут польза законной царицы нашей Тулюбек-ханум, да сохрани ее Господь? А ежели бы захотела она порадеть о правде, давши мне ярлык на великое княжение, было бы иное: всю дань, собранную в русских землях, я бы ей одной посылал!

С этими доводами Улу-Керим не замедлил согласиться и обещал тверскому князю свое содействие. Это дело представлялось ему настолько выгодным для Тулюбек-ханум, что в ее решении он ни минуты не сомневался, а задно перед ним открывалась возможность силь-

но укрепить и свои собственные позиции в той осторожной, но настойчивой борьбе, которую он исподволь вел против Карач-мурзы.

В тот же день Улу-Керим доложил великой хатуни о челобитной тверского князя и перечислил все выгоды, которые принесет выдача ему просимого ярлыка. Далее, ловко дав понять, что это дело подготовлено его прозорливостью и стараниями, Улу-Керим почтительно советовал как можно скорее назначить прием русскому князю и милостиво удовлетворить его просьбу.

Тулюбек-ханум внимательно выслушала своего везира и его речи показали ей вполне убедительными. Но всякое проявление поспешности в таких делах она считала несовместимым со своим ханским достоинством и потому ответила:

— Пусть русский князь подождет. Я над этим подумаю и когда мое решение созреет, объявлю ему свою волю.

— Если разум обыкновенного человека подобен свече, то твоя мудрость сияет, как солнце, великая ханум, — с низким поклоном промолвил Улу-Керим. — Но если ты захочешь выслушать совет твоего преданнейшего слуги, то я скажу: здесь лучше не думать долго. Тверской князь может поехать к Мамаю.

— Зачем он туда поедет? Не сказал ли ты сам, что Мамай дал ярлык московскому князю?

— Это так, благороднейшая ханум. Но разве ты не знаешь Мамаю? Если тверской князь заплатит больше, Мамай передаст ярлык ему. А тверской князь может заплатить очень много: он привел с собою шесть коней, нагруженных золотом!

— Если тверской князь уже приехал, то он не уедет пока не узнает моего решения. Но если бы даже он получил ярлык от Мамаю, разве не значило бы это, что к нам приедет за ярлыком московский князь? И может быть это будет для меня много выгоднее. Прежде чем ответить что-либо тверскому князю, я подожду возвращения Карач-оглана¹⁾: никто не знает русских дел и русских князей так хорошо, как он.

— Это истина, мудрейшая из повелительниц! — смиренно сказал Улу-Керим, которому именно этого хотелось избежать. — Карач-оглан должен все это знать, потому что среди русских князей у него есть друзья и родственники, к которым принадлежит и московский князь. Но кто знает, когда вернется Карач-оглан? Люди видевшие его жену, говорят что это прекраснейшая из всех женщин Хорезма и он, наверное, не спешит ее покинуть...

— Ты уже слышал все, что тебе надлежит

знать и больше я не хочу сегодня говорить об этом, — сухо промолвила Тулюбек-ханум, слегка меняясь в лице, что не укрылось от зорких глаз везира. — Передай тверскому князю: он будет извещен о дне, когда я пожелаю объявить ему свое решение. А теперь можешь идти!

Пятясь к двери и отвешивая поклоны, Улу-Керим покинул великую хатунь, очень довольный тем впечатлением, которое на нее произвели его слова о Карач-мурзе. В тот же день он сообщил князю Михайле Александровичу, что скоро ему будет назначен прием и заверил в том, что ярлык ему будет выдан.

**

Тулюбек-ханум очень скоро пришла к заключению, что Улу-Керим прав: зачем долго тянуть? Если даже Карач-мурза вернется скоро, — его совету в этом деле доверять нельзя, потому что он будет заботиться о выгоде своего друга и родича, московского князя. Но кто знает, когда и какая польза будет ей от Москвы? А тверской князь уже здесь, в Сарае, — он только и ждет ее слова, чтобы пересыпать в дворцовую сокровищницу кучу привезенного им золота...

Три дня спустя, она решила на завтра назначить день приема и послала за Улу-Керимом, чтобы через него уведомить о том тверского князя. Но к тайной ее досаде, к которой, впрочем, произвольно примешалась и некоторая доля чисто женской радости, — вместо Улу-Керима, в комнату вошел Карач-мурза. Он казался усталым и хмурым, глаза его почти не потеплели даже тогда, когда приветствовал ее низким поклоном, он поднял голову и взглянув на нее промолвил:

— Селям алейкюм, великая ханум! Я надеюсь, что за время моего отсутствия Аллах был к тебе неизменно милостив.

— Алейкюм селям, царевич! Да будет благословен Аллах, ибо он и впрямь не оставляет меня, когда меня оставляют мои друзья.

— Ты знаешь, ханум, почему я должен был тебя ненадолго покинуть.

— Да, тебя захотела видеть больная мать. Но, кроме матери, тебя там ожидала и жена. Говорят, она очень красива и ты, конечно, не спешил с нею расстаться.

— Я выехал из Ургенча на следующий день после того, как похоронил мать, ханум. А если говорить о жене, то она могла сделать мне такой упрек с большим правом, чем женщина, которая назваться моей женой не желала. Но она понимает, что упрекать меня, это все

равно что роптать на Аллаха за то, что он создал ее женщиной, а меня мужчиной.

— Фейзула-ханум умерла? — пробормотала Тулюбек, не ожидавшая столь твердого отпора. — Да приблизит Аллах ее душу к своему престолу и да пошлет ей вечное блаженство! Мне жаль, что я тебя огорчила, царевич.

— Не будем больше говорить об этом, ханум. Скажи, все ли тут было спокойно, покуда я ездил и не случилось ли чего-нибудь, что требовало моей помощи и совета?

— Все было тихо, оглан. А если бы и случилось что важное, то неужели ты думаешь, что с помощью Аллаха я бы и сама не смогла принять правильных решений?

— Ты хочешь сказать, мудрейшая ханум, что я тебе не очень нужен?

— Я хочу сказать, что если тебя не бывает здесь, когда нужно принимать важные решения, то я умею принимать их сама.

— Это хорошо, ханум. Позволено мне будет узнать, какие важные решения были тобою приняты в мое отсутствие? Я спрашиваю об этом только для того, чтобы получить образцы истинной государственной мудрости, которыми я мог бы руководиться в будущем.

— Ты знаешь, что сюда приехал тверской князь и ожидает у меня приема? — помолчав спросила Тулюбек-ханум.

— Тверской князь! — воскликнул Карач-мурза. — Что же ему тут нужно?

— Он просит у меня ярлык на великое княжение над Русью.

— И что ты решила ему ответить, ханум?

— Завтра я дам ему ярлык.

— Он уже знает об этом?

— Еще нет. Я как-раз хотела послать к нему Улу-Керима, когда ты вошел.

— Значит, я во-время вошел, ханум. Тверскому князю нельзя дать такой ярлык.

— Это почему?

— Над Русью по праву княжит московский князь Дмитрий. Повелительница Золотой Орды не может идти против закона и помогать обманщику.

— Московский князь получил свой ярлык от Мамая и ему посылает дань. А я хочу поставить над Русью такого князя, который будет платить дань мне.

— Ты ошибаешься, ханум: еще прежде Мамая, ярлык на великое княжение дал князю Дмитрию твой почивший супруг, великий хан Азиз-ходжа, да не омрачится ничем его райское блаженство! И если даже изменник Мамай подтвердил его волю, то неужели пойдешь против нее ты?

— А если московский князь сам обманул покойного Азиза-ходжу? Тверской князь имеет больше прав на великое княжение!

— Может быть, это сказал тебе тот, кто получил от тверского князя хороший подарок, ханум. А я сам был в Москве в тот день, когда тверской князь на кресте клялся в верности московскому князю и признал себя его младшим братом!

— Аллах! Что значат клятвы этих неверных? Русские князья только и делают, что клянутся на своем кресте и потом нарушают эти клятвы! В их правах и в их старшинстве так же трудно разобратся, как в куче песка отыскать самую большую песчину. И потому с ними надо поступать иначе: для них единственный закон это воля повелителя Золотой Орды. Законным великим князем будет тот, кому я дам ярлык. А я дам его тверскому князю!

— Если ты это сделаешь, ханум, то уронишь свое царское достоинство перед целой Русью, потому что русский народ не примет этого князя и ты не сможешь заставить его покориться твоей воле.

— И это говоришь ты, оглан?

— Да, ханум. Это можно было бы сделать только силою оружия, но ты хорошо знаешь, что если мы пошлем войско на Русь, то не пройдет и месяца, как на твоём месте будет сидеть Магомет-Султан, Айбек, или еще какой-нибудь хан.

— У тверского князя есть собственное войско и он сам справится с теми, кто посмеет ослушаться моей воли. И ты напрасно теряешь время, оглан: я не изменю своего решения.

— Мне все понятно, ханум: оставаясь твоим первым советником, я, как ты мудро заметила, лишь напрасно теряю время. А потому позволь мне сложить с себя это ставшее ненужным звание и возвратиться с моими людьми к себе в улус.

Лицо ханши вспыхнуло гневом, но лишь на одно неуловимое мгновение. Эта спокойно сказанная фраза, а особенно слова „с моими людьми“, сразу напомнили ей истинное положение вещей: если уйдет отсюда Карач-мурза со своими пятью туменами²⁾, — дни ее царствования сочтены. Повелительница Золотой Орды, получившая престол в подарок от любовника, без него она беспомощна и незащитна, как дитя без няньки! Нет, чтобы избавиться от него, нужно сначала отыскать другую, более удобную опору и создать силу, повинующуюся только ей. А пока надо смириться. Быстро пробежав все это в уме, она вскинула на него глаза полные кроткой укоризны и сказала:

— Я не верю, что ты меня покинешь, царевич! Ведь ты для меня не только советник... И я не только великая ханум, но и любящая женщина. Если нужно отказаться от моего решения, чтобы удержать тебя, — я отказываюсь от него, хотя и считаю его правильным.

— Я не хочу принуждать тебя, ханум, я хочу чтобы ты поняла. Слушай, ханум: какой тебе расчет поддерживать тверского князя? Он вероломен и слаб, на Руси его не любят. А московский князь силен и любим. Хочешь ты этого, или не хочешь, — он все равно останется великим князем, — ведь ты сама знаешь, — Орда теперь не та, что прежде. И нам лучше быть с ним в дружбе.

— Мне это понятно, оглан. Но он нам ничего не дает, а тверской князь предлагает за ярлык много золота и обещает нам платить дань.

— Он не сможет платить тебе никакой дани, потому что ее собирает и будет собирать московский князь.

— Чтобы посылать ее Мамаю!

— Сейчас он посылает ее Мамаю, потому что власть Мамаю прочна, а у нас в Сарае каждый год менялись ханы. Но раньше князь Дмитрий платил дань Азизу-ходже и тебе будет платить, когда узнает, что ты утвердилась на его престоле.

— Хорошо, оглан, я верю тебе. Я не дам ярлыка тверскому князю. Но мне не хочется самой говорить ему это.

— Если ты повелишь, ханум, я ему скажу.

— Скажи, оглан.

**
*

Когда князю Михайле Александровичу сообщили, что с ним, по повелению великой ханум, будет говорить Карач-мурза, только что возвратившийся в Сарай, — он сразу почувствовал, что дело его принимает скверный оборот. Все же, еще не теряя надежды и желая узнать что произошло, он без промедления отправился к Улу-Кериму, но хитрый царедворец, понимая что еще не настало время показать себя открытым врагом Карач-мурзы, тверского князя не принял, сказавшись больным. Делать было нечего и на следующий день, в назначенный час, князь Михайла явился во дворец и тотчас был проведен в малый приемный зал, где ожидал его Карач-мурза.

— Будь здрав и благополучен на многие годы, царевич, — поклонившись почтительно, но с соблюдением достоинства, промолвил тверской князь. — Не ждал я такой радости, что

дове­дет­ся мне в Орде пов­ст­ре­чать­ся со старым зна­комым. Чай, ты меня помнишь?

— Помню, князь. Будь здрав и ты. Я тоже не ждал тебя здесь увидеть. Почто пожаловал?

— Перво-наперво, прознавши о том, что кончилась в Сарае замятня и воцарилась великая супруга благодетеля моего, покойного хана Азиза, почел я долгом своим приехать поклониться нашей царице самолично, дабы знала она, что я ей верный слуга. Здорова ли матушка наша Тулюбек-ханум, да будет к ней во веки милостив Господь?

— Великая ханум здорова и Аллах не оставляет ее своими милостями. Ей будет приятно услышать твои слова и она их от меня услышит. Но сейчас другие дела не позволяют ей принять тебя и она повелела, чтобы это сделал я. Если у тебя есть какая-нибудь жалоба или челобитье, я готов их выслушать.

— Хотел бы я довести о том царице лично, — помолчав промолвил князь Михайла, — но ежели того не можно, что делать? Скажу, как она велит, тебе: да, есть у меня и жалоба и челобитье!

— Говори, князь.

— Ты, небось, помнишь, царевич, как назад тому три года, на­ска­за­ли тебе в Москве, будто сею я на Руси усобицы и смуту? И как ты, поверив тем наговорам, обязал меня поцеловать крест московскому князю Дмитрею Ивановичу?

— Помню, князь. Я был послан великим ханом, чтобы утвердить промеж вами мир и сделал это так, как мне повелевала совесть.

— Ты не помысли, что я тебя в чем виню, царевич; Я ведь понимаю: на всех разом и Бог не угодит. Но, вот знай: не минуло с того дня и трех месяцев, как московский князь, со своим войском, напал на Тверь. Теперь разумеешь, каков он есть и можно ли ему было верить? Небось и волк скажет, что коров дерут зайцы, а на него лишь поклеп!

— Умный человек, когда видит, что над его головой занесен меч, не ждет пока он опустится, а первым наносит удар. Так поступил и князь Дмитрий.

— Мой меч был в ножнах, царевич!

— Но он был уже хорошо отточен. Если бы ты не готовился к походу и задолго не сговорился о том с князем Ольгердом, — ваши войска не могли бы тотчас оказаться под стенами Москвы.

— А что мне было делать, коли он первым напал? Я лишь дал ему острастку и на том стали квиты. Однако, он, малое время спустя, снова пограбил мои города и вот уже четвертый

год льется, по его вине, русская кровь и нет в наших землях ни покою, ни мира.

— Чего же ты теперь хочешь?

— Челом хочу бить царице на него, на моего ворога! На Руси нет от него жизни ни одному честному князю, а и ей, царице нашей Тулюбеке, храни ее Бог, какая с того радость и польза, что княжит он по Мамаеву ярлыку и ему, вашему лиходею и вору дань платит? И дала бы она ярлык на великое княжение во Владимире³⁾ мне, тверскому князю, чей род честнее и старше московского! Тогда бы и на Руси был порядок и она, царица, исправно получала бы законом положенную дань. А за ярлык я, вестимо, дал бы богатый выход,⁴⁾ да и тебя, царевич, не оставил бы в обиде.

— Везир Улу-Керим уже довел великой ханум твоё челобитье. И она повелела мне ответить: великое княжение во Владимире надлежит московскому князю Дмитрию, получившему свой ярлык от ее покойного супруга, великого хана Азиза-ходжи, чью волю почитает она священной. А тебе, князю Михайле, княжить в Твери, с московским князем жить в мире и с Ольгердом литовским, наибольшим ворогом Руси и Орды, дружбы не водить.

— Так, — растерянно пробормотал Михайла Александрович, выслушав этот ответ, не оставивший ему никакой надежды... — Вот и выходит, что правда-то прежде нас померла.

— передал тебе ответ великой ханум, — холодно промолвил Карач-мурза, — а теперь от себя скажу: тебе тот ярлык все одно без пользы, лишь пропали бы зря твои деньги. Тебе не одолеть князя Дмитрия.

— Почто ты так мыслишь?

— Потому, что он перед Русской землею чист, а ты замаран. Он с тобой своею силою воюет и татар, небось, в помощь не зовет, хотя и мог бы. А ты, что ни год, Литву на Русь приводишь. Нешто она тебе это простит?

— Москва татарами весь мой род извела, — Русь это тоже знает, почтенный царевич!

— Дмитрий за дедов своих не ответчик, князь. И коли хочешь послушать доброго совета, — покорился бы ты ему с чистым сердцем, как другие князья покорились, ибо выгода ваша не во вражде с ним, а в дружбе.

— За совет спасибо, только уж не обессудь, я второй раз по доброй воле в кропиву не сяду! Мало ты знаешь Дмитрия: от него дружбы да правды дождешься не прежде, чем солнце к нам задом оборотится. За то с ним и бьюсь!

— Что же, бейся, коли хочешь быть битым, — промолвил Карач-мурза. — На том разговор

окончим: ждут меня иные дела, а тебе добрый путь!

**
*

Спустя два дня, расстроенный своей незадачей и проклиная Карач-мурзу, — „ведь мог же московский радельщик, если уж он маленьким не издох, припоздать из Хорезма лишь на день и все было бы ладно”, — князь Михайла покинул Сарай-Берке. Переправившись, со своей свитой, на правый берег Волги, он пол-дня шел по прямой дороге на Русь, а потом круто свернул на север и направился прямо к ставке Мамаю.

Карач-мурза, которому о том было тотчас доложено, минутку подумал, потом вызвал к себе Рагима.

— Возьми вот это, — сказал он сотнику, протягивая ему серебряную пайцзу⁵⁾ и кожаный мешочек с деньгами, — и скажи в Москву. Доведи самому князю Дмитрею и никому иному: Карач-мурза шлет поклон и спрашивает — здоров ли он, великий князь Московский и здоров ли аксакал Алексей?⁶⁾ И еще скажи: только что был в Сарае-Берке тверской князь Михайла и домогался ярлыка на великое княжение над Русью, и в том ему здесь отказано. И чтобы князь Дмитрий знал: отсюда тверской князь поехал не в обрат, на Русь, а прямо в ставку Мамаю. Это все. Запомнил?

— Запомнил, пресветлый оглан. Мне одному скакать?

— Возьми с собою двух надежных воинов из твоей сотни и по паре самых быстрых коней на каждого. Лети как стрела из лука и да сопутствует тебе Аллах!

**
*

По пути в ставку правобережного хана, князь Михайла Александрович успел всесторонне обдумать все, что следует сказать Мамаю, чтобы склонить его на свою сторону. Но все ухищрения его ума оказались тут ненужными: вероломного и жадного временщика столь же мало интересовали вопросы старшинства русских князей, как и соображения справедливости. Его отношение к Руси определялось лишь одним желанием: выкачать из нее как можно больше богатств, а потому он считал, что право на великое княжение всегда имеет тот князь, который может дороже заплатить за ярлык. Выслушав тверского князя он сказал:

— Московский князь заплатил за ярлык десять тысяч рублей серебром. Если заплатишь пятнадцать тысяч, я дам ярлык тебе.

— Пятнадцать тысяч рублей! — вскричал князь Михайла, которого названная сумма кинула в жар. — Помилосердствуй, почтенный эмир, эдакая прорва денег?⁷⁾ Ведь ярлык-то еще пол-дела: может и такое статься, что князь Дмитрий от великого княжения добром отступиться не схочет и надобно будет сгонять его силою.

— Это уж твоя забота, — невозмутимо промолвил Мамай. — А если хочешь чтобы я дал тебе войско против князя Дмитрия, за каждый тумен плати еще десять тысяч рублей.

Сколько ни торговался Михайла Александрович, Мамай цены не спустил и лишь согласился отправить вместе с ним своего посла, Сары-ходжу, который объявит князю Дмитрию ханскую волю и заставит владимирцев принять нового государя.

С собою у князя Михайлы набралось всего пять тысяч рублей. Отдав их Мамаю и за недостающее оставив в залог сына своего, княжича Ивана, он получил вожденный ярлык и вместе с ханским послом направился ко Владимиру.

**
*

Благодаря гонцу, присланному Карач-мурзой, дальнейшие события не застали князя Дмитрия врасплох. Он успел принять свои решения и подготовиться к действиям, раз и навсегда порывая с традицией, рассматривавшей город Владимир, как столицу Руси. Все его население было приведено к целованию креста на верность московскому князю,⁸⁾ а потому, когда Михайла Александрович и мамаев посол Сары-ходжа, с небольшим отрядом войска подошли к Владимиру, городские ворота перед ними негостеприимно закрылись.

Подъехав вплотную, князь Михайла крикнул стоявшим на стене боярам и старшинам, чтобы впустили ордынского посла и его, Михайлу Александровича, верховною ханской волей ныне поставленного великим князем во Владимир и над всею Русью.

— Допрежь чем к хану соваться, почто ты о нашей воле не поспрошал? — ответили со стены. — Мы своим князем премного довольны и иного не ищем. Езжай к себе, в Тверь!

Не вступая в пререкания, князь Михайла приказал одному из своих приближенных громко прочитать ханский ярлык. Выслушав чтеца, владимирские старшины малость потолковали промеж собой, потом один из бояр подошел к самому краю стены и сказал:

— Брехать ты здоров, ежели сумел выгнать у хана ярлык на владимирский стол. Только

проку тебе от того не станет: нашим князем как был доселева Дмитрий Иванович, так им и наперед останется. А ты уходи отсюда, покуда цел!

— Жаль, что отняв у тебя разум, Господь оставил тебе язык, дерзкий охальник! — крикнул Михайла Александрович, наливаясь кровью. — Забыл, что крамольную речь твою ханский посол слышит?

— А пускай слушает, нешто мне жаль? Ханский посол нам не более надобен, нежели ты сам!

Возмущенный князь Михайла все же попытался еще образумить владимирцев, угрожая им своим войском и ханским гневом. На это со стены отвечали лишь насмешками, но когда тверский князь, уже вовсе озлившись, крикнул, что если ему добром не отворят ворота, он сумеет открыть их силою, — владимирский воевода Андрей Борков сверху прокричал:

— Ин ладно, княже, уговорил! Сей же час мы тебе отворим ворота, даст Бог, останешься нами доволен!

Действительно, несколько минут спустя, ворота распахнулись и из них стремительно вырвался наружу отряд конницы, вооруженной копьями и мечами. Дружинники тверского князя стойко приняли удар и у ворот завязалась рукопашная схватка. Рубился с другими и князь Михайла, но в то же время он не забывал поглядывать по сторонам и быстро понял, что дело его плохо. Из городских ворот, как бурный поток сквозь прорванную плотину, валил наружу вооруженный пеший и конный люд, обходя тверцов и отрезая им путь отступления. Видя, что продолжение битвы неминуемо приведет к

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Доводим до сведения лиц, желающих приобрести исторический роман М. Каратеева

ЯРЛЫК ВЕЛИКОГО ХАНА,

что небольшое количество экземпляров еще имеется у автора. Стоимость книги с пересылкой 4 доллара. Заказы направлять по адресу:

Dr M. Karateeff, Balneario Atlantida, R. O. del Uruguay, S. America,

а деньги одновременно почтовым переводом на имя:

Mrs. Raisa Kruglov, 398 Menahan Str.
Ridgewood 37, N. Y., USA.

тому, что он будет схвачен и выдан московскому князю, Михайла Александрович приказал своим дружинникам отходить.

Но теперь и это нелегко было исполнить: с большим трудом и немалыми потерями им удалось избежать окружения, но оторваться от противника оказалось невозможным: рассвирепевшие владимирцы пустились в погоню и до самых тверских рубежей по пятам преследовали незадачливого мамаева ставленника, несколько раз едва не захватив его в плен.

Ханский посол Сары-ходжа был благороден: он удержал своих нукеров от участия в стычке у стен Владимира и потому был впущен в город. Отсюда он тщетно посылал гонцов в Москву, именем великого хана Магомет-Султана повелевая князю Дмитрию явиться во Владимир, чтобы выслушать из уст посла ханскую волю и прочесть ярлык. Дмитрий Иванович на это коротко и решительно ответил:

— К ярлыку не еду, на княжение во Владимир никого не пущу, а тебе, ханскому послу путь отсюда чист!

С тем Сары-ходжа и отбыл в Орду, а князь Михайла, тем временем, разослав по своим городам приказы о спешном сборе войска, сам отправился в Литву, договариваться с князем Ольгердом о новом совместном походе на Москву.

М. Каратеев

¹⁾ Оглан — титул младших членов ханского рода, в русских летописях он переводится словом „царевич“.

²⁾ Тумен — десяти тысячный отряд конницы.

³⁾ В ту пору Владимир считался столицей Руси и князь, получавший ярлык на княжение во Владимире, тем самым приобретал верховное старшинство.

⁴⁾ Выходом называлась дань, которая, сверх обычной, вносилась за ярлык на великое княжение.

⁵⁾ Пайцза — золотая, серебряная или бронзовая пластинка, с выгравированным на ней текстом, служившая в Орде пропуском или знаком особых ханских полномочий.

⁶⁾ Аксакал — дословно „Белая борода“ — у татар почтительное обращение к особо уважаемым старикам. Тут подразумевается митрополит Алексей.

⁷⁾ Рубль того времени, по относительной ценности равнялся приблизительно восьмидесяти рублям начала 20-го столетия.

⁸⁾ Это был в истории Руси первый случай всеобщего приведения к присяге. Раньше присягали только князья, военачальники и бояре.

Глубокоуважаемый Михаил Ильич,

Вы пишете, что многие читатели спрашивают, когда выйдет отдельной книгой мой исторический роман „Карач-мурза” и что я пишу сейчас?

„Карач-мурза” мною давно закончен и полностью подготовлен к печати. Но издать его пока не вижу возможности: я работаю как инженер-строитель, беру подряды на постройки домов, и когда все обстоит нормально, это обеспечивает приличный заработок, что и позволило мне издать „Ярлык Великого Хана” на свой счет. Но сейчас мы охвачены кризисом и инфляцией, никто ничего не строит и вот уже восемь месяцев я сижу без работы. При таком положении вещей издавать книги, конечно, немислимо и „Карач-мурза” ожидает лучших времен или чуда...

Сейчас я пишу роман „Богатыри проснулись”, окончание этой исторической трилогии. Первая часть его уже закончена и с января начнет печататься в парижском журнале „Возрождение”. Она посвящена освободительной борьбе Дмитрия Донского с татарами, в частности, в ней очень подробное описание Куликовской битвы и всего периода подготовки к ней.

К предполагаемому роману из жизни Карпатской Руси 13 века продолжаю подбирать материалы, это очень нелегко, т. к. данных мало и они страшно беспорядочны и разрознены, но все же надеюсь справиться с этим. Нелегка у нас доля писателя, а исторического в особенности.

Сердечно благодарю Вас за доброе ко мне отношение и шлю самые лучшие пожелания Вам и издаваемому Вами журналу, а также всем членам редакции, сотрудникам и читателям.

Искренне уважающий Вас

М. Каратеев

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Верим, что Ваша православная душа и Русское сердце откликнутся на Русский призыв, что Вы внесете скромное пожертвование в издательский фонд журнала.

Расширяйте круг подписчиков, втягивайте в их число Ваших родных, друзей и знакомых. Заранее искренне благодарны.

Редакция

Дикое наречие появилось в СССР и это наречие считается языком Белоруссии. Я сам Белорус, но такого дикого наречия никогда не слышал ни в России, ни в Америке среди белоруссов, которых так много среди русской эмиграции в США.

Советская Белоруссия засыпала всю Америку газеткой небольшого размера, в четыре страницы. Знакомые передали и мне эту диковинку, но никто не умеет ее читать: ни белоруссы, ни малоруссы...

Я посылаю ее в редакцию журнала „Свободное Слово” для рассмотрения. Это наречие для Белоруссии — дикий язык, он повредит когда-то самым красным, которые навязывают это дикое наречие Белорусскому народу и рассылают во всемирном масштабе для старых эмигрантов, которые про это наречие не слышали и не знают его, хотя происходят из той части России, которую называют Белоруссия...

Тарас Шевченко основал украинский сепаратизм, который в наше время, через сто лет, разросся при помощи врагов России и русского народа в злокачественную болячку... Теперь вокруг имени Тараса Шевченка группируются все головорезы, которые собираются резать „москалив”: красных или белых, им все одно, лишь бы резать.

И красные правители пусть подумают над этим в Москве и Минске, пусть прекратят создавать бациллу сепаратизма в Белой Руси, а то воспитают и в Белоруссии головорезов-сепаратистов.

Белорусский писатель неизданных книг - рукописей; сын беднейшего крестьянина

Г. А. Харитонюк

От редакции:

Господин Харитонюк говорит правильно, когда утверждает, что сепаратизм в течении ста лет разросся, при помощи врагов России и русского народа, в злокачественную болячку.

У самостийников, как белорусских, так и южнорусских, есть много друзей. Их создавали и помогали им и поляки и австрийцы, и немцы и французы и папа римский. В настоящее время на путь поддержки сепаратизма вступают и Соединенные Штаты. Но самой могущественной силой, которая утвердила их порочное бытие и создала для них Белорусскую и Украинскую республику, является коммунизм.

Однако это не должно пугать нас. Единство русского народа будет сохранено. Самостийни-

ки нуждаются для своего существования в насилии, терроре. Самостийничество насаждали насильно, против воли народа и Австрия и Чехословакия и Советский Союз.

Когда исчезнет на русской земле антинародная коммунистическая власть, покоящаяся на насилии и полном бесправии, то его детище — бред украинских и белорусских самостийников — завянет и засохнет, как плесень на солнце.

Не может же на самом деле народ, бесчисленные поколения которого боролись за свое русское имя (современные историки утверждают, что Русь существовала задолго до Рожде-

ства Христова), селения, реки, горы и урочища которого и доньше называются русскими, — отказаться от своего имени в угоду умственным и морально неполноценным авантюристам, мечтающим о министерских портфелях.

— „Никаким развратом, никаким давлением не истребишь, не замертвишь и не искоренишь в сердцах народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего”. — Ф. М. Достоевский.

Эта жажда правды и восстановит единство русского народа!

ОКРУЖНОЕ ПАТРИАРШЕЕ И СИНОДАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

(Продолжение)

16. Каждая в отдельности автокефальная церковь на Востоке и Западе была совершенно независима и самостоятельна во времена семи вселенских соборов.*) Как епископы автокефальных церквей Востока, так и епископы Африки, Испании, Галлии, Германии, Британии, управляли своими церквями через собственные поместные соборы; никакого права вмешательства римский епископ, который и сам обязан был подчиняться соборным решениям, не имел. А когда возникали важные вопросы, требовавшие обсуждения всей церкви, созывался собор вселенский, который один всегда был и останется высшею в церкви властью. Таково древнее церковное устройство. По

отношению друг к другу епископы были независимы и, каждый в своей области, совершенно самостоятельны, подчиняясь только соборным постановлениям; на соборах они присутствовали, как равные между собою. Никто из них никогда не издавал единоличных постановлений для всей церкви. Если-же иногда некоторые честолюбивые епископы римские являлись гордые притязания на неизвестное в церкви главенство, таковые встречали надлежательное обличение и осуждение. Итак, решительным и явным заблуждением оказывается то, на что ссылается Лев XIII, говоря в своей энциклике, будто до времени великого Фотия имя римского престола было свято для всех народов христианского мира, и Восток подобно Западу единодушно и беспрекословно подчинялся римскому епископу, как законному — будто бы — преемнику апостола Петра и наместнику Иисуса Христа на земле.

*) Здесь вполне приложимы следующие два апостольские правила: „епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавати его яко главу, и ничего превыщающего их власть не творити без его рассуждения: творити-же каждому только то, что касается до его епархии, и до мест к ней принадлежащих. Но и первый ничего не творит без рассуждения всех. Ибо таково будет единомыслие, и прославится Бог о Господе во Святом Духе, Отец и Сын и Святой Дух” (Пр. 34 срав. перв. всел. соб. прав. 6 и 7, втор. вс. соб. пр. 2 и 3, третьего — прав. 8., четверт. пр. 6, 36 и 39, и Антиох. пр. 9).

„Епископ да не дерзнет вне пределов своея епархии творити рукоположения в градах и в селах, ему не подчиненных. Аще-же обличен будет, яко сотвори сие без согласия имеющих в подчинении грады оные или села: да будет извержен и он, и поставленный от него” (пр. 35).

17. В течение девяти веков вселенских соборов восточная православная церковь никогда не признавала надменных притязаний римских епископов на главенство, следовательно, и не подчинялась ему, как это ясно показывает церковная история. Независимость Востока от Запада с полною ясностью открывается из следующих немногих но знаменательных слов Василия Великого, которые написал он в послании к святому Евсевию, епископу Самосатскому. „Люди надменного нрава, когда им уступают, делают еще большими презрителями. Если умилосердится над нами Господь, то чего еще нам желать сверх этого? А если пребудет на нас гнев Божий, какая будет нам по-

мощь от западной гордости? Они и не знают дела, как оно есть, и не хотят его узнать: но предубежденные ложными подозрениями то же теперь делают, что прежде делали касательно Маркелла” (239). Вышеупомянутый Фотий, святой иерарх константинопольский и светило, защищая во второй половине IX века независимость константинопольской церкви и провидя предстоящее извращение церковного строя на Западе и отпадение Запада от православного Востока, пытался сначала мирным путем предотвратить опасность. Но епископ Римский Николай I своим, вопреки священным канонам, вмешательством в дела Востока и решительной попыткой подчинить себе константинопольскую церковь, впервые довел дело до печального разрыва между церквами. Первые семена таких безмерно-честолюбивых притязаний папства были посеяны в „Псевдоклиментинах”, ко времени же упомянутого Николая совершенно были возделаны в так называемых „Лжеисидоровых декреталях”, которые содержат в себе собрание частью подложных, частью вымышленных царских указов и посланий древних римских епископов и в которых, вопреки исторической истине и установившемуся церковному строю, проводилась мысль, будто христианская древность признавала за римскими епископами верховную власть над всей церковью.

18. С душевною скорбью излагаем все это, поелику папская церковь, хотя признает уже порчу и подложность тех декреталий, на которых основываются неограниченные ее притязания, однако, не только не возвращается к канонам и определениям вселенских соборов, но и в исходе вот уже XIX столетия, продолжая расширять существующую пропасть разделения открыто, к удивлению всего христианского мира, провозгласила непогрешимость римского епископа. Православная восточная и калфолическая Христова церковь, кроме неизреченно воплотившегося Сына и Слова Божия, никого другого не знает, кто-бы пребыл на земле непогрешимым. Сам апостол Петр, преемником которого мнит себя папа, трижды отрекся от Господа; он-же был обличаем апостолом Павлом, как неправо поступавший в отношении к истине евангельской (Гал. 2, 11). Затем, папа Либерий в IV веке подписал аринский символ, также Зосима в V веке одобрил еретическое исповедание веры, отвергавшее первоначальный грех; Вигалий в VI веке был осужден за неправославие на V вселенском соборе; Гонорий, впавший в монофелитство, осужден был

в седьмом веке на шестом вселенском соборе как еретик, и последующие папы приняли и подтвердили его осуждение.

19. Имея все это и подобное перед глазами, народы Запада, постепенно начавшие развиваться, благодаря распространению наук, стали открыто свидетельствовать против папских нововведений и требовать — как это было в XV веке, на соборах констанцком и базельском, — возвращения к церковному устройству первых веков, в каком устройстве благодатно Божиею пребывают и всегда будут пребывать православные церкви на Востоке и Севере, которые уже одни составляют теперь единую святую соборную и апостольскую Христову церковь, столп и утверждение истины. То же самое сделали в XVII веке ученые галликанские богословы и в XVIII веке епископы в Германии. В нынешнем-же веке науки и критики все христианское сознание в лице знаменитых духовных лиц и богословов Германии возмутилось против папства в 1870 году, по поводу ватиканского собора, провозгласившего новый догмат о папской непогрешимости. Следствием этого движения является образование особых религиозных обществ „старокатоликов”, отвергших папство и совершенно порвавших с ними связь.

20. Напрасно, поэтому, отсылает нас римский епископ к историческим свидетельствам, чтобы исследовать, как веровали наши предки и что завещали нам первые времена христианства. В памятниках истории мы, православные, находим указания на все те древние и богопреданные установления, которых мы и доселе заботливо держимся, но отнюдь не на те новшества, какие породили позднейшие времена сумудрия на Западе и какие усвоила себе и содержит донныне папская церковь. Итак, православная восточная церковь справедливо хвалится о Христе, что она есть церковь семи вселенских соборов и девяти первых веков христианства, следовательно, единая святая соборная и апостольская церковь, столп и утверждение истины. Римская же церковь есть церковь новшеств, подложных отеческих творений и извращенного толкования Священного Писания и определений святых соборов. Посему она достойно и праведно объявлена и объявляется отделенной на все то время, пока пребудет в своем заблуждении. „Лучше война похвальная, — говорит святой Григорий Назианзин, — нежели мир, отделяющий от Бога”.

(Продолжение следует)

РУССКИЕ С КАРПАТ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ СОХРАНИЛИ СВОЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ И СВОЕ РУССКОЕ ИМЯ

В наш поистине жестокий век, когда свобода человеческая и правда Божия так часто попираются, Ваше „Свободное Слово” является особенно ценным и необходимым.

Сам Бог, очевидно, привел нас в эту обетованную страну и дал возможность познакомиться с карпато-россами, которые хотя исторически и были оторваны от России на протяжении веков, но сохранили свою православную веру и свое русское имя.

Мой отец, в результате войны 1914 г. впервые попав на Карпаты (где он затем пал смертью храбрых) — с восторгом отзывался о приветливости и радушии встречавшего их родного народа и в письмах к моей матери даже высказывал предположение — по окончании войны переселиться туда...

В. Н. Иноземцев

НУЖНА ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СОВЕСТЬ

Я о русском государстве и русском народе мало знаю, поэтому считал, что не имею права высказывать свое мнение. За всю мою жизнь это первый раз, что я решил высказаться. В нашей эмиграции есть много бессовестных людей. За всю мою жизнь в Канаде я встречал многих русских людей (жил с ними и работал), которые в царской России жили очень хорошо, получили прекрасное образование, а Россию и русский народ не любят. Это меня очень удивляло. И сколько я ни думал, выходило все на одно: у этих людей нет человеческой совести.

Дорогой редактор, возможно, что я ошибаюсь, но я со своей стороны скажу одно — с этими бессовестными людьми надо воевать!

С. М. Сиско (Канада)

БЕЗЗАВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ К РУСИ

Слава Иисусу Христу!

Дорогой мой редактор русского журнала, даю вам до ведомости, что я получив ваш журнал и любит ми ся что пишете о русском народе. Я родився русским в православной вири и я люблю Русь и буду любить, пока жити буду.

С нами Бог! Слава во Вышних Богу и на земли мир.

Александр Лежинский

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Чтобы „Свободное Слово” стало настоящим полноценным русским православным журналом, его тираж должен расти — дайте ему новых подписчиков!

Присылайте адреса русских людей, которым мы вышлем пробные номера для ознакомления.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1961 год

на ежемесячный военно-политический журнал
„НАША ПЕРЕКЛИЧКА”

Подписная плата 3.60 дол. в год. Можно подписаться на любое количество номеров, исходя из расчета 30 центов за номер.

Адрес редакции:

423 W. 118th Street, New York 27, N. Y. USA.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

В США, Канаде и Австралии 3 доллара в год. Во всех государствах Южной Америки 1.00 дол. в год. Во всей Западной Европе и остальном мире 1.50 дол. в год. — Подписку направлять в редакцию журнала:

„FREE WORD”, P. O. Box 992, Newark 1,
New Jersey, U. S. A.

Заказывайте в редакции „Свободного Слова” книгу галицко-русского мифолога И. Тереха

„СЛАВЯНЕ И КАРПАТЫ”

Эта книга в художественной стихотворной форме рисует создание языческими славянскими богами Русских гор — Карпат.

Цена книги с пересылкою 1.20 дол. Осталось немного экземпляров.